

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Зимняя
рябина

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
А. Дурасова

Колочкова, Вера.
К61 Зимняя рябина / Вера Колочкова. — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-155507-8

Аня Снегирева работает учительницей русского языка и литературы в маленьком поселке. Она ухаживает за больной мамой и в целом живет как все — уже и не надеется встретить настоящую любовь, про которую пишут в книгах. И только случившаяся трагедия переворачивает ее устоявшуюся жизнь с ног на голову. Две судьбы сплетаются в одну, чтобы вновь разойтись — возможно, уже навсегда. Смогут ли они преодолеть все трудности и встретиться вновь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155507-8

© Колочкова В., текст, 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю — один
Мне равносильен.

В мире, где столь
Явно хотим,
Знаю — один
Мне равномогущен.

В мире, где все —
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты равносущ
Мне...

М. И. Цветаева
«В мире, где всяк...»

Глава I

Трудный был сегодня день. Но разве бывают легкими дни при такой эмоциональной нагрузке? Никто ж не станет спорить, что хлеб учительский нынче не сладок. Ой, не сладок... И даже горьким бывает и вообще несъедобным. И все равно его пробуешь на вкус каждый день... Как бы там ни было. Иногда хочется обратно выплюнуть, а нельзя...

Аня вздохнула, поежилась от холодного ноябрьского ветра, прибавила шагу — не подхватить бы простуду, не дай бог. С утра вроде солнце всюю светило, а к вечеру такая противная снежно-дождевая хмарь образовалась, сыплет с неба это безобразие на голову и сыплет... Вон, куртка уже промокла совсем. Говорила ведь мама: «Надень теплые пальто с капюшоном, к вечеру погода испортится!» Зря она ее не послушала. Зря. Мама все погодные капризы сразу на себе чувствует и всегда точные прогнозы дает. Мои, говорит, ноги, доченька, лучше любого барометра работают,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

никогда не обманут. Опять болели всю ночь... Вот же странно, а? Ноги у мамы давно уже не ходят, а к непогоде исправно болят... Она даже у врачей спрашивала — может, мамина обездвиженность не так уж и безнадежна? Но они ей объяснили, что это не настоящая боль, а так называемый синдром фантомной боли. Не ждите, мол, ваша мама уже не встанет на ноги. Инсульт и преклонный возраст сделали свое дело, надо смириться.

Какое слово трагическое — преклонный... То ли надо преклоняться перед этим возрастом, то ли он сам вынужден перед жизнью преклоняться. И не поймешь...

Из бело-дождевой хмари вынырнула подвижная фигурка, знакомый голосок прозвенел испуганно:

— Ой, Анна Пална... Здрасьте...

— Снегирев! Сережа! А ну погоди... Да постой же, кому говорю, слышишь?

— Что, Анна Пална? Я тороплюсь вообще-то... Мамка в магазин за хлебом послала...

— Ты почему сегодня в школе не был, Снегирев?

— Так я это... Приболел я... Мамка сказала — дома посиди... А я мамку вообще-то слушаюсь, как она говорит, так и делаю.

— И потому мама тебя по такой погоде в магазин отправила, да? Нечаянно вдруг приболевшего?

— Ну да... А чего такого-то? Нельзя, что ли?

Зимняя рябина

— Опять врешь, Снегирев? Я ж знаю, почему ты сегодня в школу не пошел. Твой девятый «Б» сегодня сочинение по «Войне и миру» писал... Я правильно тебя поняла, да, Снегирев?

— Ну... Как бы это сказать...

— Прямо сказать, Снегирев.

— Ну... Вы сами подумайте, Анна Пална... Зачем мне еще одна двойка за сочинение, а? Вы ж мне и так за первую четверть двойку вывели... Я что, виноват, что у меня эти ваши сочинения не получаются? Не мое это, Анна Пална. Не мое. Не умею я словами всякими фигурировать, все эти ваши Болконские с Безуховыми мне до лампочки. Неинтересно мне это, понимаете? А если нормальному человеку что-то неинтересно, то это у него и не получается. Что тут непонятного, Анна Пална?

— Очень жаль, что тебе неинтересно... Ты ведь сейчас и в мой огород кинул камушек, Снегирев. Стало быть, это я плохо тебя научила, не привила интерес к литературе.

— Да не... Вы хорошая учительница, вас ребята уважают, вы не думайте. Особенно девочки, ага. Им ведь это ближе, чтобы уметь красиво слова складывать. А пацанам... Пацанам не пристало как-то... Интересу нет, я ж говорю...

— Просто читать надо больше, Снегирев, развивать себя. Вот какую книгу ты сейчас читаешь, скажи?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да некогда мне книжки читать, дел по хозяйству много. Да и надо мамке помочь... Мамка вон книг тоже не читает, и ничего, живет как-то. И я проживу.

— Да, проживешь, конечно. Но смотря как проживешь...

— Это вы сейчас про богатый духовный мир станете мне говорить, правильно?

— А что за ирония в голосе, Сережа? Обидно даже за тебя, правда... Ведь ты не глупый мальчик, ты можешь... Да ты только попробуй, начни читать, и я уверяю тебя — обязательно увлечешься! И тогда интерес появится, понимаешь?

— Да не, не появится... Что я, себя не знаю? Я лучше пойду, ладно, Анна Пална? Холодно сегодня... А в школу я завтра приду и сочинение готовое принесу, обещаю.

— Да знаю, какое ты мне принесешь сочинение... Из интернета сворованное... А ребята сегодня сами писали, между прочим. Головой думали. Никто ниоткуда не списывал.

— Ага... И вы опять кучу двоек наставите, я ж знаю. Не, Анна Пална, я на такое не подписываюсь... Не...

— А если я твою мать в школу вызову, Снегирев? Это лучше будет?

— Да вызывайте на здоровье, мне разве жалко? Что я, мамку свою не знаю? Придет домой, проорется. И все. Потом поплачет еще, конечно... Про отца вспомнит, который нас

Зимняя рябина

бросил... Хотя какая связь, казалось бы, да? Где тот Болконский и где мой отец, которого я уж три года не видел? А у мамы вечно так... Если меня ругают, сразу отец виноват... Ладно, я побегу, Анна Пална, замерз совсем!

Снегирев шустро кинулся прочь, и она только руками развела — ну как, как с ним еще разговаривать? И ведь относительно матери прав, стервец... Никак она на него повлиять не может. Да и никто не может, если на то пошло. Вот и получается, что она свой учительский хлеб не отработывает. И не ее это вина, наверное... Просто время сейчас такое. Прежние учебные заповеди отвергаются, а новые еще не изобретены. И милые сердцу литературные образы тоже заменить пока нечем. Да и вряд ли можно будет их заменить... Но кто его знает, кто знает! Может, в школах будущего и станут вместо образа Пьера Безухова подвиги Гарри Поттера анализировать? Не приведи господь, конечно...

А непогода-то закончилась, кажется! Как-то враз взяла и закончилась. И даже хляби небесные чуть раздвинулись, впустили на мокрую землю робкий солнечный луч. И красиво-то как кругом... Снег на ветках деревьев еще не успел растаять, стоят они в белом дыму, будто сами обмерли от восторга — смотрите скорее, любуйтесь, пока эта красота вниз не стекла... Особенно вот большая береза хороша. Только поэта Есенина сейчас и не хватает, он бы уж

ВЕРА КОЛОЧКОВА

точно воспел... У него это очень лихо получилось!

А что? И впрямь... Чем уральский поселок под названием Снегири хуже рязанского села Константиново? Очень даже хороший поселок, большой, людный. И название свое оправдывает — снегири в нем зимой и правда хозяйничают. И людей по фамилии Снегиревы здесь много, можно сказать, половина поселка — одни Снегиревы. И она тоже в девичестве Снегиревой была...

Да уж, была. Как давно это было — вспомнить страшно. Бегала в школу Аня Снегирева, росла на воле, потом в город уехала, замуж вышла. Была Снегирева, стала Воробьева. Потом в родной поселок пришлось вернуться волею судеб... Но про эту «волю судеб» лучше сейчас не думать — чего о ней думать-то? Лучше домой поспешать, там мама одна... Уже заждалась ее, наверное.

Прибавила шагу, перехватила из руки в руку сумку с тетрадками. Сегодня весь вечер придется сидеть, сочинения девятого «Б» проверять. То еще скорбное занятие, между прочим. И надо бы воздуха холодного-вкусного вдохнуть напоследок! Сейчас в свой переулок войдет и уже дома почти...

Открыла калитку и застыла на месте, не учуяв привычного движения со стороны собачьей будки. Никогда не бывало такого, чтобы Милорд радостно не приветствовал ее, не

Зимняя рябина

мчался навстречу, громыхая тяжелой цепью. Господи, да что с ним случилось? Аж сердце зашлось нехорошим предчувствием.

Подошла к будке, позвала тихо:

— Милорд... Дорогой мой... Ты чего там сидишь? Заболел, что ли? Ну же, выгляни, я хоть посмотрю на тебя...

Голос прозвучал жалко, почти с дрожью. Да и впрямь — страшно было подумать, что с Милордом что-то может случиться. Он ведь старый уже, давно свою службу собачью отслужил. А все равно страшно! Привыкла уже, что Милорд ее встречает всегда. А если встречает, жизнь вроде как в том же ритме идет. Все по заведенному порядку...

— Милорд... Ну же, покажись! Не пугай меня, а?

Чуть не заплакала, ей-богу. И Милорд, наверное, эту потенциальную слезливость в ее голосе учуял, выбрался из будки с трудом,глянул грустно — чего, мол, беспокоишь зазря? Не видишь, мне худо совсем?

— Живой... Ты живой, мой милый... Как хорошо... Чего ты пугаешь меня, а?

Села на запорошенное снегом крыльцо, и Милорд приковылял тут же, устроился рядом, положил голову ей на колени. И заскулил тихо и виновато — прости, хозяйка, прости... Видишь, мол, ослаб я совсем. Не могу больше... Вышел мой собачий век, прости...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ты что, помирать собрался, бесовестный? — проворчала нарочито недовольно, оглаживая собачью большую голову. — Не надо этого, милый, не надо... Как же я без тебя буду, сам подумай? Зайду во двор, и никто мне навстречу не выбежит... Да и как я маме скажу, если помрешь? Она ж горевать будет, сам знаешь... Начнет еще всякие аналогии проводить, что и ей тоже пора... В последнее время она знаешь как часто говорит об этом? Я уж придумать не могу, как эти разговоры в сторону уводить! Так что нет у тебя права помирать, дорогой Милорд, имей это в виду. Слышь меня? Понимаешь?

Милорд опять заскулил жалобно, и пришлось ругнуть себя за столь жестокое проявление эгоизма к бедному псу. Он и без того из последних сил из своей будки выкарабкался... А она ему — не смей, права не имеешь!

Вздохнула, предложила участливо:

— Сосиску будешь, Милорд? Я в магазин по пути заходила, сосиски телячьи купила... Сейчас тебя угощу...

Милорд поднял одно ухо, склонил голову чуть набок. Ага, вот оно, волшебное жизненное лекарство — сосиска! А лучше две или три... Давай, хозяйка, потроши свою продуктовую котомку, если обещала! Может, у тебя там еще что-то вкусненькое завалялось?

Клацнул зубами — сосиска тут же исчезла в пасти. Потом еще одна. И еще...

Зимняя рябина

— Ну все, хватит! Думаешь, у меня их много, что ли? погоди, скоро я тебе поесть вынесу... Ну что, легче тебе стало, Милорд?

Пес поднялся на ноги, встряхнулся, глянул на хозяйку преданно — все в порядке, мол, поживу еще, не бойся!

— Ну вот и хорошо... — улыбнулась она ему грустно. — Молодец, Милорд... Служи... А я пойду, ладно? Там мама одна... Заждалась уже меня, наверное!

Мама сидела на постели, смотрела в окно. И сердце сжалось нехорошим предчувствием, как давеча у калитки, и пришлось быстренько загнать это предчувствие внутрь, проговорить бодренько:

— Ты чего лампу не включила, мам? Темно ведь... И телевизор не включила...

— Да ну... — тихо откликнулась мама, продолжая смотреть в окно. — Надоел уж мне этот телевизор... Вроде и жизнь показывают, а присмотришься — все суета. А за суетой и жизни не видно. Надоел... А без телевизора я сижу и сижу, сумерничаю, мысли всякие в голове перебираю...

— Какие мысли, мам?

— Да всякие, Нюлочка, всякие. Ноги мои давно не ходят, зато мыслей в голове много бродит. А раньше как-то наоборот было, знаешь... Чем больше беготни, тем меньше мыслей... Я вот думаю, помру я скоро, Нюлочка. Готовиться надо, пришла пора.